

ПЯТЫЙ ПЕРИОД

Октябрь 1943 года: конференция министров иностранных дел в Москве; согласование политических условий

Политические проблемы: Польша, Чехословакия и Балканы; осень 1943 года

История о договоре коалиции с Италией опередила рассказ о проблемах, возникавших по многим вопросам, которых хватало в годы войны.

Наиболее сложными из всех существовавших проблем являлись вопросы, связанные с Польшей. Государственный секретарь Хэлл не задумывался, направляясь на встречу с Иденом и Молотовым в Москву, о проблеме будущего Польши и ее границах. Чтобы понять ситуацию, сложившуюся к моменту встречи в Москве, необходимо оглянуться назад.

Советское правительство 6 января 1943 года опять откровенно заявило о своих притязаниях на те районы Польши, которые Советский Союз оккупировал сразу после вступления немцев в эту страну. Советское правительство известило польское правительство в изгнании о том, что впредь беженцы из бывших восточных провинций Польши, которые теперь являются частью Советского Союза, будут рассматриваться как советские граждане. Польское правительство выразило протест в ответ на это противоправное заявление и обратилось за поддержкой к правительствам Британии и Соединенных Штатов. Британское правительство в очередной раз посочувствовало, но не предприняло никаких позитивных действий. Аналогично поступил и Рузвельт; 16 февраля 1943 года он дал понять польскому послу в Вашингтоне, что не согласен с советскими требованиями, но не может позволить этому мнению управлять своими действиями. Президент объяснил, что сейчас неподходящий момент для американского вмешательства в дела Москвы; советские армии одерживают победы в величайших сражениях, в то время как американское наступление в Северной Африке тормозится, и, кроме того, советское правительство выражает недовольство тем, что на Советский Союз легла основная тяжесть борьбы с Германией.

Польское правительство в изгнании продолжало настаивать, что не должно и не может быть компромиссов в споре относительно восточных границ Польши. Не говоря уже о принципе справедливости, поляки понимали, что не имеют конституционного права уступать какие-либо территории, и если все-таки пойдут на это, то потеряют поддержку польской армии и народа. То, что эти опасения имеют под собой реальную основу, стало ясно, когда 4 марта генерал Андерс, главнокомандующий польских дивизий на Ближнем Востоке, в приказе по войскам отверг советские притязания.

Этот конфликт и позиция польского правительства в изгнании начали раздражать британское правительство. Министерство иностранных дел почувствовало в этом опасность не только для военной коалиции, но и для дальнейшего мирного решения различных вопросов с Советским Союзом. Идеи высказал свои опасения во время визита в Вашингтон в марте 1943 года. Он сообщил президенту и Гопкинсу, что поляки становятся слишком назойливыми. Премьер-министр Сикорский, по словам Идена, похоже, договорился с правительствами малых государств на Балканах оказать поддержку его намерениям, «слишком большим», нереальным и исходящим из ожидания, что к концу войны Советский Союз и Германия будут значительно ослаблены, а польская армия и народ окажутся в выигрышном положении. Поддержка президента выразилась в предусмотрительном молчании; он только заметил, что судьбу Польши будут решать великие державы на мирной конференции и он намерен действовать в интересах мира на земле, а не заключать сделки с Польшей. Однако затем президент заявил, что поляки будут вынуждены пойти на компромисс с Советским Союзом в отношении границ, уступить районы на востоке и согласиться на компенсацию на западе, на те территории, с

которых будут изгнаны немцы, – Восточную Пруссию и, возможно, еще какие-то районы.

В течение этого же периода советские дипломаты начали способствовать возрождению правительства-конкурента, которое бы стало действовать так, как это требовалось Советскому Союзу. С помощью Советов польские коммунисты учредили Союз польских патриотов.

В апреле польское правительство в Лондоне разорвало отношения с советским правительством. Причиной разрыва послужили вновь появившиеся документы относительно давних, необъяснимых событий. Когда летом 1942 года польское правительство в изгнании приступило к формированию армии из военнопленных и бежавших в Советский Союз, выяснилось, что польский офицерский корпус насчитывает намного меньше людей, чем ожидалось. Никто не представлял, где они и что с ними могло случиться. По последним данным, они были в лагерях для военнопленных в той части Польши, которую захватили русские, но с которой позже они отступили под натиском немецкой армии. Польское правительство всеми путями пыталось узнать об исчезнувших офицерах, но выяснить ничего не удалось. Поляки не забывали об этом таинственном исчезновении.

13 апреля нацистское радио распространило сообщение, что правительство СССР совершило умышленное убийство польских офицеров. Польское правительство предложило провести международное расследование этого факта, считая, что не может игнорировать подобное заявление, и 16 апреля обратилось с просьбой к международной организации Красного Креста направить в район Катыни, на место гибели офицеров, следственную группу. Поляки объяснили, что, даже если немцы использовали захоронение, чтобы обогатить русских, все равно, учитывая огромное количество деталей, сообщенных немцами об обнаруженных телах, и их категорические утверждения, что люди были убиты советской армией весной 1940 года, правительство вынуждено провести объективное расследование на месте. Неясно, был ли премьер-министр Польши Сикорский осведомлен о том, что это заявление будет опубликовано, а если знал, то способствовал этому или противился. 1 мая Сикорский заявил, что с ним не советовались, но, судя по различным сообщениям польских коллег, это кажется весьма сомнительным. Что абсолютно ясно, так это то, что военные элементы в правительстве и руководители польской армии почувствовали, что честь Польши и человеческая справедливость требуют разорвать завесу молчания и вынести приговор советскому правительству. Члены кабинета в полном составе поддержали это заявление, хотя некоторые вскоре пожалели о сделанном.

Возможно, что 1 мая Сикорский попросил Гарримана сообщить президенту, что он, Сикорский, теперь признает, что заявление было серьезной ошибкой, и не важно, правдами или неправдами, но он постарается пренебречь собственными чувствами ради успехов в войне. Сикорский спросил у Гарримана, не будет ли лучше, если Соединенные Штаты уговорят Москву уладить разногласия, сделав это так, чтобы он, насколько возможно, вышел из этой ситуации в соответствии с представлениями о достоинстве его коллег и польского народа. Сикорский показался Гарриману усталым и озабоченным предстоящей поездкой на Средний Восток для поддержания морального духа польской армии.

Спустя несколько дней Сикорский написал президенту письмо, в основном касающееся этого же вопроса. В нем говорилось: «Наше обращение в Международный Красный Крест с просьбой о расследовании обстоятельств смерти тысяч польских офицеров, возможно, подверглось критике в некоторых кругах. Понятно, что нам было трудно проигнорировать вскрывшиеся факты, тем более что многие поляки здесь и на Среднем Востоке имели близкие, товарищеские отношения с теми, кто был убит. Я надеюсь, что вы понимаете, что для части советского правительства эти действия не явились неожиданностью, но в результате все ополчилось против Польского государства и польского правительства».

Сделав подобное заявление, польское правительство дало указание своему послу в Москве выяснить мнение правительства СССР в отношении заявления Германии.

Черчилль предвидел, что советское правительство, отразив нападение, нанесет сильный ответный удар. Лорд Галифакс, британский посол в Вашингтоне, 21 апреля заявил Хэллу, что обеспокоен желанием Черчилля отправить послание невозмутимому Сталину и хотел бы узнать, не собирается ли так же поступить президент. Рузвельта не было в Вашингтоне, поэтому Хэлл не смог ответить на этот вопрос.

Советский ответ на польские действия оказался неожиданно резким. В послании от 24 апреля Сталин уведомил Черчилля и Рузвельта, что советское правительство опять разорвало отношения с польским правительством. Он обвинил поляков в том, что, не дав шанса советскому правительству объясниться, они, поверив гнусной немецкой клевете, начали действовать. Сталин заявил, что его правительство рассматривает эти действия как доказательство враждебности со стороны Польши, находящейся под влиянием Германии. Черчилль попытался разубедить Сталина. Он разъяснял ему, что поляки по глупости бросили эти обвинения, и, главное, цитирую, «мы должны победить Гитлера, а потому у нас нет времени на споры и обвинения», тем самым пытаясь убедить Сталина не идти на разрыв. Рузвельт обратился с аналогичной просьбой, но было слишком поздно, чтобы удалось повлиять на решение Сталина.

О разрыве отношений было объявлено 26 апреля по советскому радио. Через два дня Союз польских патриотов в Советском Союзе опубликовал декларацию о разрыве отношений с польским правительством в изгнании. Соответственно, вопрос о том, кто будет руководить Польским государством, оставался открытым, что еще больше осложнило решение проблемы в отношении будущих польских границ. Теперь, если польское правительство в изгнании захотело бы вновь прийти к соглашению с Советским Союзом на приемлемых условиях, ему бы прежде пришлось согласиться с советскими условиями относительно границ.

Напряженное ожидание затягивалось, но ни американские, ни британские власти, всячески стремясь уладить разногласия, не видели никакой возможности для улаживания этого конфликта. Это был один из тех периодов, когда советское правительство гнало в сторону Запада бурю под названием «второй фронт», в то время как американцы и британцы возмущались пренебрежительным отношением к их военным усилиям и оказываемой ими помощи.

И тут генерал Сикорский, премьер-министр польского правительства и главнокомандующий польских вооруженных сил, погиб в авиакатастрофе над Гибралтаром. Сикорский был человеком, обладавшим великолепными качествами, и его потеря подействовала удручающе. Он, как никто другой, был способен удерживать вместе различные группировки внутри польского правительства в изгнании и компетентно руководить ими. Новый кабинет был сформирован 14 июля. Премьер-министром был назначен лидер Польской крестьянской партии Миколайчик. Он не обладал таким влиянием, как Сикорский, но был способным человеком, умеренным либералом, чья политическая карьера являлась образцом честности и уравновешенности. Новый кабинет частично состоял из людей, способных прийти к компромиссу с советскими властями. Другие были убеждены, что должны всеми силами защитить независимую Польшу от войны, а любые уступки большевистским угнетателям являются капитуляцией, которой нет никакого оправдания.

В августе американское и британское правительства попытались заинтересовать Сталина соглашением с Польшей, которое не касалось вопроса границ и ответственности за массовое убийство в Катыни. Сталину потребовалось шесть недель, чтобы 27 сентября, незадолго до начала конференции министров иностранных дел, дать ответ. Он отклонил внесенное предложение. По мнению Сталина, американскому и британскому правительствам следовало бы поднять вопрос не о разрыве отношений, а о враждебных действиях польского правительства в Лондоне, с помощью которых оно поддержало

обвинения, выдвинутые Германией в отношении гибели польских офицеров.

Американское и британское правительства надеялись, что на встрече в Москве министрам иностранных дел удастся восстановить отношения между государствами, связанными борьбой с Германией. Но четкая обоснованность условий, выдвинутых польским правительством, показала существующую глубину разрыва.

Накануне отъезда Хэлла в Москву, 6 октября, польский посол вручил ему меморандум, в котором, в сущности, заключалось требование, чтобы Соединенные Штаты и Британия не только поддержали позицию польского правительства, но и стали бы защитниками Польши. Среди прочих, были следующие требования.

– Американцы и британцы должны дать совместные гарантии независимости, целостности и безопасности Польши.

– В том случае, если по военным причинам нельзя обойтись без оккупации Россией польских территорий, необходимо урегулировать это с польским правительством в изгнании.

Посол пояснил, что следует предусмотреть, чтобы польское правительство сразу же после освобождения Польши взяло в свои руки управление страной, поскольку, при отсутствии такого условия, Советский Союз попытается управлять Польшей через своих сторонников – польских коммунистов.

– А в качестве защиты от такого поворота событий американские и британские войска должны быть размещены на территории Польши в период нахождения там советской армии.

Польское правительство вновь назвало причины, по которым отвергало советские предложения в отношении границ. Хотя СССР обещал поддержать польские требования на некоторые немецкие территории на западе, эти новые границы сделали бы Польшу зависимой от ее восточного соседа и дали бы возможность Советскому Союзу использовать ее как плацдарм для экспансии в Центральную Европу и, в частности, в Германию. Следует отметить, что это были убедительные причины, особенно в свете прежних и настоящих исторических событий. Но мнения американского правительства о невозможности положительного решения в пограничном вопросе и о неразрешимости конфликта они не поколебали.

Перед отъездом Идена из Лондона в Москву у него состоялся разговор с новым польским премьер-министром. Иден откровенно предупредил Миколайчика, что если польское правительство будет упорствовать в отношении восточных территорий, то мало вероятно, что Россия восстановит отношения с Польшей или передаст ей управление освобожденными польскими территориями. Миколайчик пишет, что он «...был поражен, услышав соображения Идена, прозвучавшие как нечто само собой разумеющееся».

Вспомнив прошлые заверения Британии о непризнании любых завоеванных силой территорий, Миколайчик заявил: «Если мы отдадим эти земли, что фактически не уполномочены делать, то положим начало будущим требованиям России».

Таким образом, оставив меморандум в том же виде, в каком он был передан Хэллу, Миколайчик пояснил Идену, что не дает ему права на обсуждение пограничного вопроса.

Первоначально польский вопрос стоял одним из первых на повестке дня. Однако его обсуждение состоялось в самом конце московской конференции, поскольку никому не хотелось портить дружескую атмосферу (об этом еще будет рассказано ниже), царившую на встрече министров иностранных дел. А это вполне могло произойти, когда, например, на одном из обедов Литвинов вылил поток оскорблений в адрес поляков. Он заявил, что они несут ответственность за страдания Европы, принимая вместе с немцами участие во встречах Лиги Наций в Женеве, разорив после Мюнхена Чехословакию и сотрудничая с врагом против России. Литвинов заявил, что поляки должны научиться жить в небольшом государстве внутри откорректированных границ и отказаться от мысли, что они представляют великую державу. А когда их интересы столкнутся с интересами России, им следует уступить.

Было очевидно, принимая в расчет враждебность России и американскую осторожность, что обсуждение этого вопроса затянется надолго, но никуда не приведет. Идеи подробно объяснил, почему британское правительство так стремится уладить советско-польский конфликт. На это Молотов ответил, что советское правительство само в состоянии решить этот вопрос, хотя и готово выслушать заинтересованные стороны. Резкий ответ адресовался не Идену, а польскому правительству в изгнании. Молотов заявил, что СССР верит в «независимую» Польшу, но при этом ее правительство должно «дружески» относиться к Советскому Союзу, чего определенно не скажешь о правительстве в Лондоне. Когда Идеи сказал, что польский премьер-министр и министр иностранных дел поделились с ним, что рассчитывают возобновить отношения с Москвой, Молотов посетовал, что впервые слышит о подобном желании. Хэлл в ответ отпустил безобидное замечание, смысл которого в том, что, когда ссорятся ближайшие соседи, те, кто живет рядом, не вникая в суть спора, могут намекнуть противникам, что надеются уладить их конфликт.

Во вступительной части заключительного протокола конференции было просто сказано, что «имел место обмен мнениями». И это все, что можно сказать по существу польского вопроса. Разговор не коснулся даже проблемы будущих польских границ, поскольку, по мнению польского премьер-министра, Идеи не имел на это права. Хэлл почувствовал облегчение. Как он позже признался, у него не было намерения поднимать крышку на «ящике Пандоры» с бесконечными неприятностями, связанными с российскими граничными требованиями.

Хэлл не мог согласиться с позицией Советского Союза, не вызвав при этом криков возмущения в Соединенных Штатах, и в то же время он не мог поддержать польское правительство в изгнании, не подвергая риску Декларацию четырех, ради которой он и приехал в Москву. У него создалось впечатление, что, хотя разговор в Москве в отношении Польши ничего не дал, декларация будет означать, что «...у Польши все впереди».

Подшло время перейти к сходным событиям в близлежащей Чехословакии.

Правительство Чехословацкой Республики во главе с Бенешем тоже имело убежище в Лондоне. Страна, которой управляло это правительство, была разгромлена. Президент Бенеш и его соратники не вспоминали о Мюнхене, но они не забыли ни о нем, ни о том, что последовало за Мюнхенским соглашением.

У чехословацких лидеров не было причины хорошо думать о Польше. В тот трагический после Мюнхена год поляки, принявшие участие в разделении Чехословакии, вторглись на территорию страны и захватили Тешинскую Силезию. Но чехи пошли бы на примирение, поскольку это означало возвращение потерянных земель после изгнания с них немцев. Более того, президент Бенеш проявлял живой интерес к возможному послевоенному союзу между Польшей и Чехословакией.

Отношения с советским правительством были проще. В течение 1942 года Бенеш объяснял американским и другим дипломатам, что у его правительства меньше оснований опасаться коммунистов, чем у поляков, поскольку социальная и экономическая структура Чехословакии лучше сбалансирована и чехословацкий народ знает, что коммунизм является шагом назад, а не вперед. В начале 1943 года советское правительство неофициально заверило Бенеша, что хочет, чтобы после войны Чехословакия стала независимой страной с прежней территорией, и не собирается вмешиваться в ее внутренние дела. Казалось, это послужит основанием для соглашения, способного определить их сотрудничество в войне с Германией и в последующий период.

Имея подобные обещания, Бенеш в мае отправился в Вашингтон. Там он подробно изложил свои мысли президенту и Черчиллю (на конференции «Трайидент») и долго говорил с Хэллом и Уоллесом, посвятив их в далеко идущие планы в отношении послевоенной Европы; он с полной уверенностью говорил о хороших отношениях с Советским Союзом. Бенеш сообщил о договоренности со Сталиным о будущем

Чехословакии и ее положении в Европе, о своем намерении заключить договор с Россией. У Бенеша создалось впечатление, хотя он так и не услышал от президента окончательного ответа, что Рузвельт и Государственный департамент были бы довольны, если бы все именно так и получилось.

А вот британское правительство встревожил этот проект. Вернувшись в Лондон, Бенеш объяснил Идею свои намерения, остановившись на том, почему, собственно, соглашение с русскими не просто оправдано, а крайне желательно, и привел следующие доводы: народ Чехословакии, все еще находящийся под жестоким господством Германии, нуждается в подобном заверении; документ послужит основой для подготовки трехстороннего соглашения между Польшей, Чехословакией и Советским Союзом против агрессии со стороны Германии и, возможно, предотвратит преступные замыслы Венгрии и Польши против Чехословакии в конце войны.

Во время трех встреч, имевших место 22, 24 и 30 июня, Идеи выразил свое несогласие по данному вопросу. Он повторил, что объяснил Молотову, когда тот был в 1942 году в Лондоне, что считает нежелательным, чтобы британское или советское правительства договаривались о послевоенных условиях с «младшими» союзниками, поскольку это может явиться причиной разногласий. Молотов согласился с ним. Кроме того, Идеи сообщил, что соглашение может выглядеть как вступление Чехословакии в советский лагерь, что повредит усилиям союзников в налаживании контактов между Польшей и Советским Союзом и вызовет напряжение в отношениях между польским и чехословацким правительствами. Те же самые цели, без какого-либо ущерба, уверял Идеи, могли бы лечь в основу совместной советско-чешской декларации. Однако Бенеш продолжал считать, что только договор будет отвечать необходимым требованиям.

Британское правительство осведомилось о мнении Советского Союза. 2 июля Майский передал Идею послание от Молотова. В нем говорилось, что советское правительство предполагает на основе более раннего пакта о взаимопомощи с Чехословакией разработать договор, сроком на двадцать лет, подобный тому, что имеется с Великобританией. В последовавшем за этим разговоре Идеи высказал советскому послу те же самые возражения, что и Бенешу. Майский отверг их обоснованность и заявил, что Москва не понимает возражений Британии и, кроме того, это наносит вред отношениям между странами. Майский также сообщил, что во время подписания договора с Чехословакией советское правительство хочет публично объявить, что надеется на преобразование этого договора в трехстороннее соглашение, включающее Польшу. И действительно, в подписанном соглашении имелась так называемая «польская» статья. Фактически это было соглашение между участниками в том, что, если Польша собирается четко придерживаться соглашения, она получит шанс «по взаимной договоренности», и после этого соглашение станет уже трехсторонним.

Идеи заметил, что в этом случае Британия будет отчасти удовлетворена.

Но в последующем разговоре с Бенешем Идеи упорно отстаивал свою точку зрения, в особенности подчеркивая, что правительство Чехословакии, заключая соглашения с советским правительством в то время, когда Москва холодна с польским правительством в Лондоне, тем самым изолирует себя. Он серьезно порекомендовал Бенешу подождать, по крайней мере, до тех пор, пока министрам иностранных дел не представится возможность обсудить этот вопрос.

Правительство Чехословакии постаралось, чтобы его мнение стало известно и американским, и советским руководителям, поскольку не хотело, чтобы его позиция в отношении России оказалась сопряжена с польской проблемой. Лидеры Чехословакии считали, что задуманное соглашение послужит моделью для государств Центральной Европы и создаст условия для благоприятного сотрудничества живущих там малых народов с Советским Союзом и западными державами. В мемуарах Бенеш подчеркнул, что соглашение, которое вынашивалось советским правительством, «...должно было показать миру... чего хочет Советский Союз и какой стратегии собирается

придерживаться; а также сблизить Советский Союз с Великобританией и Соединенными Штатами».

Пока же советское правительство оставило свое приглашение Чехословакии в силе. Американское правительство предусмотрительно помалкивало. Решение проблемы дождалось Московской конференции.

В Москве, представляя возможные последствия, Идеи попытался убедить Молотова отложить соглашение. Потерпев неудачу, он принялся склонять советское и американское правительства присоединиться к британцам, дав обещание воздерживаться во время войны от любого союза с «младшими» союзниками, кроме как с общего согласия. Однако Молотов заявил, что разумнее каждому оставаться свободным для заключения соглашений с пограничными государствами союзников для взаимной безопасности и защиты границ, как это хотят сделать советское и чехословацкое правительства. В установившейся атмосфере доверия отношение оппозиции к этому спорному документу постепенно изменилось. Путь был свободен; Бенеш мог ехать в Москву для завершения соглашения.

Ради сохранения целостности повествования об этом эпизоде, несколько забегая вперед, следует рассказать сейчас. Сразу после встречи глав трех правительств в Тегеране в декабре Бенеш прибыл в Москву, где его ничто не разочаровало. После первых переговоров со Сталиным и Молотовым Бенеш сообщил своим соратникам в Лондон, что «имеющие место политические дискуссии и переговоры проходят в полном согласии, в сердечной и дружелюбной атмосфере». Ближе к концу, после детального рассмотрения положения Чехословакии, Бенеш подтвердил, что «имеется полное единство взглядов».

Соглашение, подписанное 12 декабря 1943 года, обеспечивало взаимную помощь во время войны и защиту от агрессоров в послевоенное время. Оно обязывало каждого из участников не вступать ни в какие договоры, направленные против другого. Оно заверяло каждого в том, что после войны страны будут действовать «...в соответствии с принципами взаимного уважения в отношении независимости и суверенитета, а также невмешательства во внутренние дела другого государства». Более того, Сталин согласился с Бенешем, что вместе с Красной армией для соблюдения внутреннего порядка в Чехословакию должны войти чешские воинские части и освобожденные районы будут постепенно передаваться гражданской администрации Чехословакии. В отношении границ Бенеш был убежден, что советское правительство поддержит домюнхенские границы Чехословакии, а это подразумевало возвращение Польшей захваченной Тешинской Силезии. Эти доводы и милостивое обещание Советов выслать немецкие меньшинства привели Бенеша к заключению о том, что переговоры прошли «успешно». В тот момент желание Советского Союза заключить договор с Чехословакией выглядело как мера, гарантирующая отсутствие враждебно настроенных государств у его границ, – удобное политическое соглашение, обеспечивающее безопасность и добрососедские отношения, а желание Чехословакии – как разумное осознание недалекого будущего. Вскоре советские вооруженные силы окажутся на землях Чехословакии и могут захватить их, если этого пожелает Москва, а могут помочь, если страны станут друзьями. Национальное правительство сделало вывод, что лучше рискнуть и объединиться с коммунистами, чем надеяться только на защиту Запада.

Кроме того, Бенеш достиг взаимопонимания с находящимися в Москве земляками и советскими должностными лицами о необходимости реорганизации правительства Чехословакии. Местные коммунисты должны были бы получить места в правительстве в соотношении один к пяти. Бенеш обсудил с ними свою программу, включающую национализацию военной промышленности и прогрессивное социальное законодательство. Коммунисты, в свою очередь, пообещали не национализировать сельское хозяйство и остальные отрасли промышленности. Бенеш посчитал, что такого взаимопонимания вполне достаточно для установления внутреннего порядка и взаимного соответствия.

В течение осени 1943 года наряду с напряженными событиями в Польше и Чехословакии западные союзники пытались смягчить резкий внутренний антагонизм, проявившийся в Югославии и Греции. Важно было, чтобы после изгнания немцев не случилось гражданской войны из-за того, что одна сторона обратилась бы за поддержкой к Западу, а другая – к Востоку.

С тех пор как немцы вошли в страну, молодой югославский король Петр и его правительство находились в изгнании. После короткой остановки в Иерусалиме они направились в Лондон, откуда, страдая от растущей разобщенности, попытались наладить связь с родиной. Несмотря на опасность и жестокие репрессии, в стране крепло движение Сопротивления. О героической борьбе в Югославии прекрасно рассказано самими участниками Сопротивления. Здесь я бегло коснусь тех событий, в той их части, что была важна для отношения между тремя великими союзниками.

Генерал Михайлович возглавлял первые из вступивших в борьбу с фашизмом национальные отряды, известные под названием «четы». Когда в конце 1941 года слухи об их действиях стали распространяться за пределы Югославии, правительство в изгнании связалось с Михайловичем и в декабре 1942 года назначило его военным министром. Большинство сторонников Михайловича составляли сербы, среди которых было много консерваторов. Они находились в стесненных условиях, были плохо вооружены. Немцы жестоко мстили их родным и друзьям, оставшимся в Белграде и других городах. Тогда «четы» уменьшили активность и, чтобы выжить, то тут, то там заключали соглашения под девизом «живи и жить давай другим» с немецкими и итальянскими командирами. Существовала еще одна группа Сопротивления – отчаянные и жестокие люди, которым нечего было терять. В поисках руководства они пришли к человеку, называвшему себя Тито, смелому и знающему коммунисту, прошедшему подготовку в Москве. Численность их быстро росла; они легко ориентировались в горах, а используя тактику внезапности, наводили ужас на оккупационные силы. Трагедия заключалась в том, что эти группы Сопротивления рассматривали друг друга не просто как конкурентов, а как врагов.

Британское правительство поспешило установить контакт с Михайловичем. Уже в октябре 1941 года верховное командование ближневосточного театра сбросило партизанам оружие, медицинские препараты и другие предметы первой необходимости. Восстановленные коммуникации дали Михайловичу возможность, используя британские каналы, сообщать правительству в изгнании о ситуации в Югославии, об успехах его группы Сопротивления, о передвижении немецких войск на Балканах и, кроме того, получать указания. Однако постепенно Михайлович потерял доверие британских военных властей.

Гораздо более решительные действия партизан под руководством Тито производили куда большее впечатление на британских военных. Поэтому начиная с мая 1943 года Британия начала отправлять по воздуху небольшие партии офицеров и гражданских лиц для взаимодействия с Тито. В течение нескольких месяцев множество подобных групп находилось среди кочующих отрядов и лагерей партизан. Как позже писал Черчилль, это было сделано «...несмотря на ожесточенную борьбу между этими отрядами и „четами“ и невзирая на то, что Тито воевал, как коммунист, не только против немецких захватчиков, но и против сербской монархии и Михайловича».

Бригадир Фитцрой Маклеан, командир британской военной миссии, прикомандированной к партизанам, в отчете о проделанной в Югославии работе пишет о своем разговоре с Черчиллем, который состоялся в Каире через несколько месяцев, в ноябре 1943 года. Обсуждался тот факт, что движение под руководством Тито, которое поддерживала Британия, после войны, вероятно, будет иметь тесные связи с Советским Союзом. Вот что пишет Маклеан: «Ответ премьер-министра разрешил мои сомнения. „Собираетесь ли вы остаться в Югославии после войны?“ – поинтересовался Черчилль. „Нет, сэр“, – ответил я. „Я тоже. Поэтому чем меньше мы с вами волнуемся относительно формы правления, которую они установят, тем лучше. Это следует решать им. А вот что

интересно нам, так это – кто из них наносит больше вреда немцам?«»

Для этого была весьма весомая причина. Партизаны Тито отвлекали огромные силы войск Оси, которые могли бы использоваться на Восточном фронте или в Италии. В Тегеране Черчилль объяснил Сталину и Рузвельту, что, согласно разведывательным данным Британии, тридцать дивизий стран Оси подавляли движение Сопротивления на территории Югославии, Греции и Албании. По мнению Сталина, цифры были значительно завышены, и впоследствии он не раз повторял, что у Британии слабо налажена информация.

На протяжении весны и лета Черчилль и его военные советники втолковывали американцам, как важно дать возможность югославским партизанам расширить свои действия, объясняли, как много уже сделано с помощью поставок оружия и продовольствия, групп связников и инструкторов, отвлекающих немцев налетов и тому подобного. Черчилль выдвигал большие стратегические проекты. Как выяснилось позже, по его замыслу, в удобный момент союзнические силы должны были пересечь Адриатику, высадиться в Югославии и, объединившись с партизанами, нанести удар по Вене и Германии; возможно также, что в некоторых пунктах Югославии они сумеют объединиться с советской армией.

Британское правительство пыталось уговорить оба движения югославского Сопротивления действовать сообща. Одновременно британцы, защищая короля и правительство в изгнании, оставляли югославам возможность спокойно разобраться, кто должен управлять страной. Можно было заранее предвидеть угрозу длительной гражданской войны, или развал югославской конфедерации, или захват власти коммунистами.

Британцы пытались убедить советское правительство помочь в установлении согласия в Югославии. Постепенно Британия и Советский Союз меняли курс в отношении конкурирующих движений Сопротивления. До осени 1943 года и даже позже британцы поддерживали Тито, а советские власти проявляли дружелюбие в отношении четников. В сентябре, по совету Британии, югославское правительство направилось из Лондона в Каир, чтобы оказаться поблизости, когда союзники высадятся на побережье Адриатики. На приеме, которое советское посольство в Лондоне устроило в честь отъезда короля и его кабинета, Богомолов, посол при правительстве в изгнании, занялся восхвалением героического движения Михайловича, которое, отводя немецкие дивизии с русского фронта, выполняет неocenимую работу.

Можно предположить, что таким способом советское правительство проверяло Тито, который был не столь управляем, как этого бы хотелось Сталину.

В октябре 1943 года, находясь в Москве на конференции министров иностранных дел, Идеи предложил Молотову использовать влияние советского правительства, чтобы сплотить сторонников Тито и Михайловича. Он рассказал, что британское правительство однозначно дало понять королю, что с Михайловичем, если он не предпримет определенных действий против немцев, вероятно, придется расставаться.

Идеи вкратце обрисовал Молотову план объединения двух движений, позволяющий им, как и прежде, действовать вполне самостоятельно. Хэлл, охраняющий Соединенные Штаты от проблем на Балканах, когда к нему обратились по поводу комментариев, ответил, что ему нечего добавить.

Что касается Греции, то ситуация здесь также достигла высшей критической отметки. Существовали документы, в частности представленные Черчиллем, свидетельствующие о жестокой борьбе, которую вели отряды Сопротивления в горах против завоевателей и друг против друга. На этих страницах будет рассказано, весьма отрывочно, о том, как сложившаяся ситуация превратилась в проблему для коалиции.

Король Греции, преданный друг союзников, и его правительство в изгнании, по большей части роялисты, отправились из Лондона в Каир. Эта власть рассматривалась в качестве законного правительства Греции, но в связи с возникновением и деятельностью

на территории Греции движений Сопротивления она уже мало что значила. Одно из движений (ЭДЭС) концентрировалось вокруг полковника Зерваса, истинного республиканца, но антикоммуниста: другое (ЭЛАМ-ЭЛАС) было чисто коммунистическим по происхождению, руководству и целям. Британское правительство чувствовало потребность оказывать помощь каждой группе, борющейся с немцами и итальянцами. Британия закрепила небольшие миссии за штабами и военными лагерями обоих движений Сопротивления. Но на этой земле, где в древности ради свободы совершались удивительные подвиги, британцев постигло разочарование. Две фракции боролись друг с другом, оспаривая приоритетность в правительстве.

В июле 1943 года правительство и король объявили, что стоят за конституционную монархию, и пообещали свободные выборы после освобождения. Это не удовлетворило ни одну из фракций. В августе те потребовали, чтобы король, который в то время находился в Каире, не возвращался в Грецию, доказывая, что народ не хочет его возвращения. Кроме того, они настаивали, чтобы участники греческого Сопротивления получили должности в кабинете, в том числе должности министров внутренних дел и юстиции. Король нашел эти требования чрезмерными; он потребовал того, что полагалось ему по праву: как можно скорее вернуться в Грецию и вынести вопрос о монархии на всенародное обсуждение.

Король, прежде чем отвергнуть предъявленные требования, обратился за советом к Черчиллю и Рузвельту, которые в это время находились в Квебеке. Черчилль полностью поддержал тот ответ, который собирался дать король. Премьер-министр был убежден, что единственный способ предотвратить гражданскую войну и предоставить народу Греции подлинную возможность выбрать собственное правительство состоит в необходимости отложить все политические споры до полного освобождения Греции и только после восстановления мира и спокойствия, под наблюдением союзников, провести честные и свободные выборы. Черчиллю не хотелось, чтобы во время войны небольшие группировки, в особенности под руководством коммунистов, используя интриги и принуждение, получили возможность захватить власть в свои руки. Рузвельт пообещал Черчиллю, что американское правительство будет придерживаться такой же позиции.

В начале октября, когда коммунисты откровенно потеснили оппозицию, британское правительство приостановило поставки помощи. Черчилль опасался, что после немецкого отступления греческие коммунисты, используя захваченное итальянское оружие, смогут быстро свергнуть правительство. Поэтому через британских связных в Греции он попытался, как позже вспоминал, «...ограничить и прекратить гражданскую войну, вспыхнувшую в оккупированной, разрушенной стране».

Для этого требовалось содействие со стороны Советского Союза. но в ближайшее время его не ожидалось. Опасаясь возможного провала, Черчилль запланировал вслед за отступающими немцами в спешном порядке ввести в Грецию британские войска и удерживать их там до тех пор, пока народ Греции не примет надлежащее решение относительно своего правительства. Британцы надеялись, что советское правительство не будет возражать и не станет поддерживать сопротивление коммунистов.

На одном из заседаний конференции министров иностранных дел в Москве Идеи сделал обзор действий Британии, что не вызвало никакой реакции ни со стороны Молотова, ни со стороны Хэлла.

Только британцев беспокоило, что может произойти на этой территории, к востоку и северо-востоку от Италии, после освобождения. Они предвидели, что если допустить развязывание гражданской войны и предоставить свободу местным коммунистам, то все их усилия по сохранению власти правительства, смягчению конкуренции между движениями Сопротивления и сдерживанию политических притязаний пойдут насмарку. Британцы хотели, чтобы в этой части Европы для защиты традиционного образа жизни находились западные войска. Поэтому они старались договориться с американцами о совместных военных операциях в Адриатике, в Греции и в Эгейском море (об этом еще

будет подробно рассказано).

Советское правительство спокойно относилось к очевидным конфликтам и уклонилось от предложенных совместных действий.

Американское правительство пребывало в нерешительности, разделяя мнение Черчилля о том, что народы малых стран должны иметь свободу и жить спокойной и мирной жизнью, но не поддерживая его склонности полагаться на монархию. Кроме того, американское правительство не хотело оказаться напрямую втянутым в проблемы на Балканах, а потому стояло в стороне от дипломатических усилий, предпринимаемых с целью принятия компромиссных решений.

Поиски политического принципа

Такой курс устраивал Хэлла, избегавшего споров, что лишило бы его шансов на успех в достижении задуманной цели – изменить основу политического руководства национальных государств. Для приведения в равновесие соперничающих движений были внимательно рассмотрены все аспекты: готовность к борьбе, стремление к сотрудничеству и желание добиваться своего с помощью угроз. Это был общепринятый способ улаживания пограничных вопросов, членства в политических партиях и тому подобного. Хэлл хотел, чтобы в будущем все вопросы государственной власти и международных отношений разрешались на законных основаниях. Компетентные комиссии в самом американском правительстве и вне его пытались сформулировать перечень основополагающих принципов, которые полностью соответствовали бы намеченной цели. Они руководствовались мыслями, которые могут быть проиллюстрированы небольшими выдержками из документов трех подкомиссий при Консультативном комитете по послевоенной внешней политике.

Подкомиссия по политическим проблемам: «Международная безопасность рассматривается в качестве важнейшей задачи, в то же время подкомиссия считает, что в целях получения действенной и устойчивой безопасности следует действовать с соблюдением принципов законности».

Подкомиссия по территориальным проблемам: «Сделан вывод... что жизненно важные интересы Соединенных Штатов заключены в следующем „дипломатическом принципе“ – вежливое безразличие вместо политики силы...»

Подкомиссия по проблемам безопасности: «...была подчеркнута необходимость такой важнейшей основы обеспечения послевоенного мира и безопасности, как предварительные договоренности руководителей держав-победительниц, достигнутые еще до окончания войны».

На основе этих концепций была сформулирована совместная декларация, устанавливающая принципы, которым должны были бы следовать государства. Президент одобрил этот документ. В августе на конференции в Квебеке Хэлл представил декларацию на рассмотрение. Идеи одобрительно отнесся к декларации и заявил, что, по его мнению, она послужит хорошей основой для сближения с Советским Союзом. Черчилль согласился с ним. Исходя из этого в Москву была отправлена копия декларации. Реакция оказалась неутешительной. Предложение было отложено до приезда Хэлла в Москву. Пока же политические и территориальные намерения советской стороны, в особенности относительно Польши, вызывали растущее беспокойство.

Поразительно другое. В Москве довольно быстро и легко было достигнуто согласие по большинству вопросов. В самом начале конференции Хэлл, при поддержке Идена, изложил те преимущества, которые извлекут государства, пообещав следовать правилам поведения, изложенным в документе, представленном американцами и британцами. Молотов поддержал их, заявив: «Советское правительство весьма одобрительно относится к принципам, изложенным в этой декларации, и, следовательно, одобряет их».

Принципы, составляющие Декларацию всеобщей безопасности четырех государств,

озвученные на конференции, носили скорее общий характер. Пожалуй, следует освежить в памяти некоторые пункты декларации.

Вступление содержало взаимное обязательство продолжать войну до тех пор, пока враги «...не сдадутся на основе безоговорочной капитуляции». Впервые советское правительство официально подтвердило подобную стратегию.

Вот суть основных пунктов декларации, подписанной Молотовым, Иденом, Хэллом и Фу Пин Шонгом:

«<...>

2. Те, кто вместе с нами участвовал в войне с общим врагом, будут принимать участие в обсуждении всех вопросов, касающихся капитуляции и разоружения врага.

<...>

4. Мы признаем необходимость создания международной организации, основанной на принципе суверенного равенства всех миролюбивых государств, открытой для вступления таких государств, больших и малых, и служащей для поддержания мира и всеобщей безопасности во всем мире.

5. С целью поддержания мира и безопасности рассматривается вопрос восстановления законности, порядка и введения системы общей безопасности; для объединения совместных усилий мы будем консультироваться друг с другом и, при определенных обстоятельствах, с другими членами Объединенных Наций.

6. После прекращения военных действий мы не собираемся использовать военные силы на территории других стран, за исключением целей, предусмотренных этой декларацией, и при условии совместных консультаций».

Но в трех пунктах декларации, привезенной Хэллом в Москву, отступили от первоначального текста. Внесенные изменения помогли бы при согласовании документа, но на практике ослабили силу принципов.

В первоначальной редакции второй пункт звучал следующим образом: «Те, кто вместе с нами участвовал в войне с общим врагом, включатся в обсуждение вопросов, касающихся капитуляции и разоружения врага *и оккупации вражеской территории и территории других государств, захваченных врагом*» (курсив автора).

Молотов настоял на том, чтобы исключить спорные пункты. Одно из его возражений было сходно с тем, которое американское и британское правительства выдвинули в отношении Италии: усилия политиков могли бы помешать военным действиям. Другое затрагивало суть вопроса: являлась ли коалиция единым целым, или это были две части целого? Получалось, к примеру, что советским вооруженным силам должно быть позволено принять участие в оккупации областей, захваченных американскими и британскими войсками, таких, как Голландия, Бельгия и Франция, и что американским и британским вооруженным силам следует предоставить подобные права в возвращенных районах, граничащих с Советским Союзом. Столкнувшись с таким серьезным вопросом, все согласились опустить этот пункт декларации.

В первоначальной редакции американцев пятый пункт звучал следующим образом: «С целью поддержания мира и безопасности во всем мире рассматривается вопрос восстановления законности, порядка и введения системы общей безопасности; для объединения совместных усилий мы будем консультироваться друг с другом и, при определенных обстоятельствах, с другими членами Объединенных Наций. *Мы будем консультироваться и действовать сообща от лица содружества наций*» (курсив автора).

Идеи объяснил, что это может быть воспринято как диктатура четырех держав, и британские доминионы, в особенности Канада, будут категорически возражать. В этот пункт были внесены поправки, чтобы избежать возможной негативной реакции.

Незначительному обсуждению подвергся шестой пункт декларации. В

первоначальной редакции американцев он звучал следующим образом: «После прекращения военных действий мы не собираемся использовать военные силы на территории других стран, за исключением целей, предусмотренных этой декларацией, и после совместных консультаций *и принятия соглашения*» (курсив автора).

Эта формулировка была связана со спорами между британским и советским правительствами, должны ли они дать друг другу обещание не вступать ни в какие соглашения с малыми европейскими странами, не посоветовавшись предварительно друг с другом и не придя к соглашению, и была напрямую связана с предстоящим советско-чешским договором. Возник спорный вопрос, должно ли советское правительство сохранить неограниченную возможность для вступления в особые отношения с соседними странами, куда направлялась его армия.

Молотов соглашался на *консультации* перед вступлением в такие соглашения, но не *хотел подчиняться запрету на действия*. В защиту собственной позиции Молотов перечислил существующие британские и советские соглашения, предоставляющие право отправлять в другие страны и оставлять на их территории свои вооруженные силы. Хэлл на все попытки Идена и Молотова выяснить его мнение по этому вопросу отвечал что-то бессвязное. Так и не придя к общему мнению, остановились на проведении консультаций. Идеи усиленно пытался дополнить этот пункт декларации отдельным примечанием о том, что собравшиеся в Москве представители трех правительств согласились *на время войны* воздерживаться от заключения любых соглашений с малыми государствами, кроме как с общего согласия. Идеи убеждал, что это условие позволит избежать борьбы за особое положение. Но советское правительство не согласилось с его предложением.

Хэлл не пытался открыто связать декларацию с вопросом в отношении границ. Не составляло труда понять, почему Молотов хотел оставить этот вопрос так, как есть. Советское правительство заявляло опять и опять, что рассматривает свои восточные границы как окончательные и эта позиция не должна оспариваться. Более того, текст декларации предоставлял советскому правительству впоследствии свободно предъявлять любые территориальные претензии. Но хотя Сталин и Молотов могли думать именно так, ни Хэлл, ни Иден не расценивали их право выбора в качестве уступки, ни в отношении уже известных требований, ни тех, что еще, возможно, будут предъявлены. Похоже, Хэлл был убежден, что декларация обязала своих создателей сообща заниматься урегулированием проблем, хотя довольно трудно найти объяснение для подобного умозаключения. Единственным основанием, похоже, были косвенная ссылка во вступлении Атлантической хартии и два первых пункта этого заявления, подписанного Советским Союзом в следующей редакции: «Первое, наши страны не стремятся ни к каким соглашениям, ни к территориальным, ни к прочим; второе, мы не желаем никаких территориальных изменений, не согласованных со свободно выраженными пожеланиями людей, которых они затрагивают». Советское правительство пошло на уступку, когда 24 сентября 1941 года согласилось с принципами, заложенными в хартии: «Принимая во внимание, что практическое применение принципов находится в зависимости от обстоятельств, потребностей и исторических особенностей государств, советское правительство заявляет, что соответствующее применение принципов обеспечит наиболее активную поддержку части правительства и народа Советского Союза».

Хэлл, вероятно, не признал, что текст декларации не отвечал его намерениям.

В отличие от преимуществ, связанных с сотрудничеством, которые Хэлл изложил Сталину и Молотову, предостережения касательно независимости действий давали понять, что требуется соблюдать осторожность при рассмотрении некоторых вопросов, например вопроса границ. Хэлл попытался таким способом передать свою мысль, не облекая ее в конкретные выражения.

Неопределенность в этом вопросе позволила легко договориться по другим проблемам, военным и политическим. Но отсутствие взаимопонимания опустошало.

Молотов, до того как согласился считать Китай одним из создателей декларации,

чинил довольно много помех и утих только после тонких намеков, что если он не уступит американскому правительству, то не сможет продолжить дальнейшее сотрудничество. Молотов утверждал, что Китай настолько слаб и зависим, как показала его неудача с выдворением Японии, что это не дает ему права на столь значительное положение и он не вправе наравне с остальными участвовать в создании декларации. Молотов также заявил, что, поскольку Китай не проявляет интереса к европейским делам, его появление в качестве автора проекта может сделать декларацию менее значимой для европейских государств.

Хэлл приложил все силы, чтобы добиться согласия со стороны Советского Союза. Он стремился поддержать правительство и народ Китая, чтобы придать им мужества в борьбе. Он надеялся, что если Советский Союз и Китай объединятся, разрабатывая общие правила для будущего мира, то смогут мирным путем уладить и собственные разногласия. Хэлл выдвигал все новые доводы, которые могли послужить оправданием его решения относительно Китая.

В частной беседе с Молотовым он зашел довольно далеко, заявив, что полагает, будто с американской точки зрения ни в коем случае нельзя пренебречь Китаем. Если это произойдет, то, по всей вероятности, они получат, заявил Хэлл, «...ужасающие последствия, политические и военные, в Тихоокеанском регионе. А тогда, для сохранения стабильности в этом регионе, моему правительству придется предпринять определенные действия». Кроме того, если Китай будет обойден, общественность Америки придет к мнению, что в Москве американское правительство объединилось с советским для того, чтобы не подпустить Китай к военным делам.

Идеи горячо поддержал Хэлл. Пока еще не собираясь передавать значительные военные ресурсы на китайский театр военных действий, Черчилль, вероятно, отбросил опасения, занесенные в протокол годом раньше в связи с предложениями относительно послевоенного мирового правительства: «Кажется, что очень просто выбрать четыре великие державы. Это иллюзия. Вероятно, мы не в состоянии понять, что такое Россия и с какого рода российскими требованиями нам придется столкнуться... Что касается Китая, я не вижу в нынешнем правительстве власть общемирового масштаба... И конечно, безусловно, любая попытка ликвидировать Британскую империю привела бы к лишнему голосу со стороны Соединенных Штатов».

В итоге Молотов изменил мнение в отношении Китая и согласился, чтобы китайцы подписали декларацию перед окончанием конференции. Таким образом, все уладилось. Существуют всевозможные догадки относительно причин, почему советское правительство уступило в этом вопросе. Хэлл считал, что американское правительство могло бы направить в Китай часть военной помощи, направляемой в Советский Союз, что определенным образом повлияло на решение Советов. А может, причина упрямства русских в какой-то степени объяснялась нежеланием обидеть Японию и победами, одержанными Красной армией в Европе и американскими вооруженными силами на Тихом океане. Так полагали Хэлл и Гарриман. Возможно еще, что изменение точки зрения русских по этому вопросу связано с решением предложить американскому и британскому правительствам сразу же после разгрома Германии объединить усилия в борьбе с Японией. Это было сказано Хэллу после окончания конференции. Но посол Гарриман уже за несколько дней до окончания конференции интуитивно почувствовал надвигающееся событие, и, сообщив президенту 27 октября о признании Советским Союзом Китая в качестве одного из создателей декларации, Гарриман сказал: «...ряд факторов указывает на то, что после разгрома Германии советское правительство будет не прочь объединиться в Тихом океане. Они больше не боятся Японии, и я чувствую, что после окончания военных действий в Европе им захочется как можно скорее завершить войну в Тихом океане». Согласие Советов в отношении Китая не только расчистило путь для принятия Декларации четырех, но и упростило завершающую работу над другими связанными с декларацией заявлениями.

Одно из таких заявлений было направлено на то, чтобы более точно сформулировать правила, в частности о том, что немногие смогут управлять отношениями между большими державами и малыми государствами. Инициатором его являлось правительство Британии. Это предложение было озаглавлено «Вопрос совместной ответственности за Европу в противовес разделению сфер влияния», позже, по предложению американцев, формулировка была изменена на «...в противовес разделению сфер ответственности». Первый пункт представленного британцами документа гласил: «[Правительства провозглашают,] что со своей стороны не будут стремиться к созданию отдельных сфер ответственности в Европе и не будут признавать подобного за другими, а будут скорее защищать общие интересы, связанные с благосостоянием всей Европы в целом».

Хотя это противоречило условиям англо-советского соглашения в отношении территорий, позиция американского правительства в отношении этого предложения была неоднозначной. Хэлл поддерживал предложение, но не хотел связывать американское правительство никакими конкретными обязательствами. Президент рассчитывал остаться в стороне от ответственности за будущую модель отношений в Центральной и Восточной Европе, поскольку опасался, что это может привести к требованию постоянного присутствия американских войск в Европе. В связи с этим Хэлл заявил, что внесенное Иденом конкретное предложение должно входить в более универсальное соглашение, такое, как Декларация четырех государств.

Молотов, прикинувшись простачком, отклонил как абсурдную мысль, будто советское правительство заинтересовано в разделении зон или сфер влияния. Он может гарантировать, заявил Молотов, что Советский Союз не собирается делить Европу на отдельные зоны. Затем он фактически согласился с Хэллом, что этот вопрос гораздо лучше рассмотреть в рамках Декларации четырех. Молотов подверг критике как преждевременную и даже опасную поддержку союзов малых государств. Он заявил, что советское правительство хотело бы рассмотреть этот вопрос позже. На самом деле события показали, что советское правительство решило сохранить свободу в отношениях с соседними государствами и категорически препятствовало любым объединениям не способных оказывать влияние малых стран.

В конце концов попытка Британии разработать окончательную стратегию по двум этим вопросам, сферам влияния и объединениям малых государств потерпела фиаско.

Еще одно предложение Британии заключалось в стремлении сформулировать правила для управления администрацией регионов, освобожденных от немцев или тех, которые должны были быть вскоре освобождены.

Представленный обзор объяснял некоторые из проблем, уже знакомых членам коалиции в связи с политическими событиями во Франции и Италии, и касался Югославии, Греции, Румынии, Болгарии и Польши. В ходе войны в этих странах произошли глубокие политические и социальные изменения. В каждой из них процветали соперничество за власть, столкновения между группировками – сторонниками западных политических идей и теми, кто поддерживал коммунистические идеи Советского Союза; оставались нерешенными вопросы границ и компенсаций. Будут ли члены коалиции заниматься этими проблемами вместе или порознь? Будут ли они рассматривать эти проблемы с точки зрения коллективной ответственности, или каждый попытается использовать их для собственной выгоды?

В сентябре американское и британское правительства провели консультации с Москвой в отношении открытого заявления, которое хотели бы опубликовать. Они намеревались дать определение курсу, которым предполагали следовать на вражеских территориях, захваченных их вооруженными силами, и в освобожденных регионах, находившихся во время войны на стороне союзников. Переписка, в сложные детали которой я не собираюсь вникать, обнаружила различные мнения, имевшиеся в Москве.

Однако все сошлись на том, что в административный аппарат вышеупомянутых стран, которые останутся под управлением союзников, должны быть введены

«демократические» элементы. Американское и британское правительства считали, что, пока продолжается война с Германией, решения относительно времени и степени участия должны быть отданы на усмотрение военному командованию союзников в каждом конкретном регионе. Возможно, советское правительство хотело, чтобы этот вопрос подпал под компетенцию Военно-политической комиссии, предложенной Сталиным и находившейся в то время в процессе формирования. Короче говоря, результатом работы Московской конференции явился комитет дипломатических представителей трех стран, уполномоченный только рассматривать вопросы и давать рекомендации, названный Европейским консультативным комитетом (ЕКК).

Британцы и американцы в отношении *освобожденных* областей поддержали свободную формулу, которая означала, что ответственность за правопорядок, обусловленная военной необходимостью, будет как можно скорее передана национальным правительствам. Советское правительство надеялось, что наконец-то будет решен вопрос относительно военно-политической комиссии.

А пока британцы выудили новое решение. Несмотря на возражение со стороны Государственного департамента, Идеи все-таки представил его на рассмотрение в Москве.

Хэлл настороженно отнесся к новому предложению. Он не был готов к ответственности, скрывавшейся в предложенном соглашении. Хэлл заверил коллег, что осознает, насколько желательно, чтобы три их страны имели общую стратегию, и признался, что ему бы хотелось, чтобы во всех сферах наблюдалось преобладание демократических принципов. Однако, по его мнению, следовало обратить внимание, что в каждой стране будут свои условия, и было бы лучше проводить консультации отдельно с каждым. Все согласились, что вопрос слишком сложен, чтобы решать его второпях. Его тоже передали на рассмотрение ЕКК. Дело не двигалось, поскольку союзники, к сожалению, ссорились. (Но об этом будет рассказано несколько позже.) В феврале 1945 года в Ялте, когда сферы влияния уже были практически сформированы, вновь на рассмотрение было представлено упомянутое выше заявление, но уже как Декларация об освобожденной Европе.

Государственный секретарь Хэлл взял с собой в Москву еще одну декларацию, с помощью которой надеялся объединить британское и советское правительства. В ней говорилось о жестоком обращении с людьми, живущими в колониях и в странах, переданных под мандат другого государства. В сдержанной, однако четкой манере утверждалось, что политика правящих стран должна постепенно вести колонии к независимости. Декларация была направлена на изменения в политическом статусе многих или всех стран и рассматривала использование различных типов попечительства как промежуточную меру.

Президент продемонстрировал глубокую веру в этот стратегический курс и несколько раз подчеркнул, что это справедливая и разумная политика. Он был целиком за эту инициативу, хотя и знал, что, по мнению британцев, это было опасно и неблагоразумно. Британцы не хотели создавать проблемы правительству своей империи или подвергать ее вмешательству извне. Еще в ноябре 1942 года, в своей знаменитой речи, премьер-министр твердо заявил, что его правительство никогда не будет разделять с другими странами территории, подпадающие под юрисдикцию империи. Нет никаких свидетельств, что Черчилль сколько-нибудь изменил мнение относительно сказанного в этой речи: «Разрешите мне прояснить ситуацию. Мы намереваемся сами сохранять контроль над своими владениями. Я не являюсь первым министром короля, в чьи обязанности входило бы руководство ликвидацией Британской империи». Такое же отношение продемонстрировал де Голль и к Французской империи; он боролся за каждый акр земель империи.

Хэлл сообщил о своем предложении до начала конференции. Молотов ответил, что его правительство придает огромное значение этому предложению, и убедил, что оно будет рассмотрено. Но Идеи заявил, что его правительство против данного предложения и

не готово обсуждать этот вопрос; и он так и остался нерассмотренным пунктом повестки конференции и последующих переговоров союзников. Поскольку Советский Союз продемонстрировал огромную заинтересованность, агрессивная решительность американцев сошла на нет.

Еще до начала конференции несколько раз в разговорах упоминалось давнее желание американского правительства прекратить вражду в Европе и звучали опасения американцев, что их обяжут оставить на неопределенное время войска в Европе. В то же самое время Соединенные Штаты брали на себя инициативу по формированию международной организации по поддержанию мира. Несмотря на явное нежелание быть втянутыми в бесконечные споры между европейскими государствами, американцы тем не менее отказались от любой мысли об изоляции.

Летом 1943 года американцы и британцы, несмотря на то что война все еще продолжалась, договорились заняться планами системы коллективной безопасности. Существовало несколько весьма основательных причин заниматься этим вопросом параллельно с наступлением, не дожидаясь окончания войны. Познавая на собственном опыте все тяготы и страдания, народы с большим пониманием отнеслись бы к планам предотвращения будущих войн и, околдованные военным сотрудничеством, считали бы естественным принимать согласованные меры в будущем. К тому же если бы удалось быстро достигнуть цели, то победа, возможно, оказалась бы ближе. Доказательство единства могло бы уничтожить всякую надежду немцев и японцев на то, что в стане врага существуют разногласия. И наконец, было приятно думать, что если Соединенные Штаты ясно покажут, что примут участие в коллективном движении по предотвращению будущей агрессии, то другие страны могут почувствовать, что нет особой необходимости как-то иначе пытаться обеспечивать собственную защиту, и, следовательно, будет проще добиться справедливого мирного урегулирования. Занимаясь созданием системы поддержания мира в то время, когда все еще шла война, американцы и британцы больше всего надеялись на то, что благодаря этому удастся уговорить советское правительство несколько умерить свои требования. В конце великих войн государства, если можно так сказать, находились внутри змеиного кольца: с помощью этой меры кольцо было бы разжато и освобожденные государства жили бы в дружбе и согласии.

Намерение было внесено в текст Декларации четырех, которую Хэлл привез на Квебекскую конференцию, где она и была официально одобрена. За несколько недель до отъезда в Москву Хэлл получил доказательства того, что большинство американцев усвоили урок и стали рассматривать создание международной организации в качестве одной из послевоенных целей. Этого оказалось достаточно, чтобы проект получил горячее одобрение. В сентябре лидеры Республиканской партии, собравшись на острове Маккинак, в Мичигане, поддержали участие Америки в послевоенной организации по обеспечению безопасности. После исследований, проведенных Государственным департаментом, оставался серьезный вопрос: будет ли Советский Союз участвовать в коллективном договоре? В таких же муках сомнения пребывали Соединенные Штаты в конце Первой мировой войны. Решит ли Советский Союз жить изолированно, полагаясь на собственное могущество и способность позаботиться о собственной защите и благосостоянии, или согласится с ограничениями и обязательствами сотрудничества ради обеспечения общего блага?

В Москве советское правительство продемонстрировало готовность поддержать будущий проект, и, после внесения небольших изменений в формулировки, соглашение было достигнуто. Окончательный вариант, включенный в Декларацию четырех, значительно изменил убеждения Рузвельта. Претерпели изменения и мысли Черчилля; теперь, по его мнению, любая международная организация должна была базироваться на региональных организациях. Возможно, система, дающая большие возможности Британской империи и небольшим европейским государствам противостоять огромным странам, таким, как Америка и Россия, привлекала Черчилля гораздо больше. Но

постепенно и он пришел к идее относительно одной всеобъемлющей организации. Казалось, что советское правительство искренне согласно с этим предложением.

На последнем заседании конференции, 30 октября, Молотов более других торопился внести это заявление в Декларацию четырех. Он предложил, чтобы конференция сразу же сформировала комиссию для составления планов будущей организации. Хэлл выразил опасения, что политические группировки в Соединенных Штатах могут неправильно понять значение происходящего, и, с его точки зрения, в данный момент будет лучше обменяться мнениями через обычные дипломатические каналы.

30 октября кинокамеры зафиксировали момент подписания декларации. Это взаимное обязательство было наиболее серьезным достижением за всю долгую карьеру Хэлла. Вполне возможно, что возникавшие в процессе обсуждения в Москве текущие проблемы и споры относительно деталей организации казались Хэллу преходящими и вторичными. Он понимал, что для большинства из них нет идеального разрешения проблемы. Нет такого решения, которое бы угодило всем. Они были бы улажены, так или иначе, а затем, на протяжении многих лет, поскольку человечество нашло бы удовлетворение в новом мирном устройстве, ссоры относительно последствий решения были бы забыты. Великолепным предзнаменованием казалась готовность советского правительства принять участие в грандиозном проекте наряду с поддержкой тех принципов, которые даже в искаженной форме рассматривались Хэллом в качестве существенной основы будущих международных отношений. Теперь он считал, что имеет повод надеяться, даже ожидать, что Советский Союз не будет ни обособляться, ни предъявлять несправедливые и угрожающие требования под предлогом безопасности, ни позволять себе действия, которым противятся его военные партнеры. Принцип, а не сила, должен господствовать над деятельностью всех государств.

Все эти благородные чаяния нашли отражение в декларации Хэлла. Но даже в то время нашлись те, кто сомневался в значении данного документа. Для них тот факт, что советское правительство согласилось присоединиться к будущей организации международной безопасности, не являлся основанием для выводов о будущем поведении России. Одного заявления было мало; требовалось проверить его на практике.

Московская конференция министров иностранных дел; вопросы, связанные с Германией, и другие европейские политические проблемы, осень 1943 года

Ощущение приближающейся победы придавало новый импульс переговорам о принципах будущей деятельности. Ожидалось, что вслед за Италией последуют другие члены Оси, стремящиеся разорвать с ней отношения. Можно было предвидеть попытки, целью которых явится проверка сплоченности союзников с помощью соблазнительных обещаний сепаратного мира. Фактически подобные попытки втянуть советское правительство в переговоры относительно возможного сепаратного мира с Германией уже предпринимались в сентябре японским правительством, стремившимся стать посредником между Германией и Россией. Молотов уведомил Хэлла, а возможно, и Идена об этом предложении и о том, что советское правительство отклонило его.

Союзники были связаны обещанием не заключать подобного мира с общим врагом. Все были согласны с этим пунктом, однако появилась необходимость внести в принятые обязательства пункт о совместных действиях во всех случаях, касающихся подобных предложений. Более того, было решено, что пришло время для обсуждения условий перемирия. Министры иностранных дел достигли соглашения по первому вопросу и перешли ко второму вопросу, условиям перемирия.

Каждый из трех главных союзников проявлял серьезный интерес к условиям любого перемирия или мирным условиям с любым из врагов, большим или маленьким. Но у каждого был свой интерес и свои требования в отношении ведения переговоров. Имелось несколько причин, повлиявших на различия в степени ответственности, вплоть до права

принятия окончательного решения. Было сделано допущение, что страна, которая несет на себе основную тяжесть борьбы на любом фронте, имеет право на главную роль, по крайней мере в любых предварительных переговорах относительно возможной капитуляции вооруженных сил на этом фронте. Например, Британия и Соединенные Штаты – в Италии, Советский Союз – в Финляндии, Соединенные Штаты – в Тихом океане. Тогда это было расценено более чем естественно, поскольку в Италии продолжалась война даже после частичной капитуляции.

Ситуация в Румынии, обсуждавшаяся на конференции в Москве, наглядно иллюстрирует эту проблему. Тайные агенты, находившиеся в контакте с некоторыми членами румынского правительства и крупными государственными чиновниками, появились в Каире и попытались выяснить у британского правительства условия капитуляции. Советское и американское правительства были об этом проинформированы. Идеи, в присутствии Хэлла, 25 октября сообщил Молотову, что, по его мнению, следует сделать. Молотов ответил, что необходима «безоговорочная капитуляция», а затем добавил, что не видит никакого смысла в продолжении переговоров с сепаратистами в Румынии, поскольку им нечего предложить. Идеи согласился, заявив, что его правительство понимает, что советское правительство имеет право решать любые вопросы в отношении Румынии, Венгрии и Финляндии, поскольку только советские вооруженные силы участвовали в активных боевых действиях против этих стран. Хэлл ничего не смог добавить к замечанию Идена. Британское правительство объяснило румынским представителям, что не может единолично рассматривать вопросы, которые не были адресованы американскому и советскому правительствам, и что все три союзника будут предлагать безоговорочную капитуляцию.

Короче говоря, все согласились с планом, по которому, в зависимости от ситуации, каждый имел бы определенную степень ответственности, обязан был информировать остальных и старался бы действовать коллегиально. В итоге резолюция конференции была принята в следующей формулировке: «Правительства Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки и Советского Союза согласились немедленно информировать друг друга относительно любых дипломатических зондирований, которым могут подвергнуться со стороны правительства, групп лиц или индивидуумов той страны, с которой любая из этих трех стран воюет. Три правительства соглашаются в дальнейшем проводить совместные консультации с целью согласованности действий в отношении подобных зондирований».

Это было разумное соглашение. Оно не допускало никаких секретных сепаратных переговоров. Пример Италии наглядно показал необходимость иметь под рукой, к моменту, когда поступают мирные предложения, соглашение о стратегии принятия условий и режимов перемирия. К концу конференции министры иностранных дел обменялись мыслями по поводу того, что предстоит сделать в отношении Германии и Австрии, и запланировали разработку текстов предварительных переговоров.

Германия являлась основным врагом. Тем не менее до встречи в Москве три главных союзника не проводили систематических обсуждений в отношении многих аспектов капитуляции Германии и последующих действий.

Обсуждение этих вопросов с Иденом в марте 1943 года (коротко об этом рассказывалось в связи с его визитом в Вашингтон) было весьма поверхностным. С тех пор, несмотря на серьезную работу в комиссиях, американское и британское правительства стали проявлять нерешительность и расходиться во мнениях. И то и другое правительство были ошеломлены советской тактикой и намерениями в отношении Германии, продекларированными в середине 1943 года. Советское радио сообщало немцам, что суровое обращение ждет только национал-социалистские элементы. Сталин утверждал (например, в первом майском приказе), что он не имеет намерения разбить немецкую армию, в отличие от гитлеровской армии. Советское правительство соединит немецких военнопленных, всех партий и классов, в лагерях для военнопленных в России и

научит, как организовать освободительное движение. С помощью радио Советы принялись убеждать немцев избавиться от Гитлера и сформировать «истинное национальное немецкое правительство» (радиопередача от 20 июля 1943 года). Вскоре после этого советские власти поддержали образование Союза немецких офицеров в Советском Союзе. Фельдмаршал Паулюс, командующий армией, сдавшей в плен под Сталинградом, посвятил себя этой деятельности. Вновь образованная группа обращалась с призывами к немецкой армии прекратить войну, уничтожить гитлеровский режим и добиваться дружбы с Россией.

Служащие Государственного департамента и министерства иностранных дел следили за этими советскими инициативами с неприязнью и некоторой тревогой. Обращения к немцам звучали гораздо мягче, чем того предполагала безоговорочная капитуляция. Даже при условии, что эти обращения – своего рода военная пропаганда или предостережение в сторону Запада, разрабатываемые американским и британским правительствами решения в отношении Германии оказывались под угрозой. Соединенные Штаты и Британия боялись, что если они открыто выскажутся за раздел Германии, то тем самым расчищают путь для России через ее коммунистических сторонников, чтобы выдавать себя защитником политического единства немцев. Эти подозрения были сродни подозрениям советского правительства относительно проведения союзниками процедуры в Италии. Фактически советские дипломаты частным образом оправдывали политику, проводимую их правительством в отношении Германии.

Еще до поездки на Московскую конференцию, проводя подготовительную работу в отношении германских вопросов, Соединенные Штаты и Британия были обеспокоены тактикой Советского Союза. Государственный и Военный департаменты детально изучили сложную проблему. Президент одобрил результат их труда: всесторонний стратегический план под названием «Основные принципы капитуляции Германии», который был предъявлен Хэллом до начала конференции. Хэлл передал копию документа Молотову со словами: «Это не является официальным предложением Соединенных Штатов, а дает возможность показать нашу точку зрения по данному вопросу. Это просто персональное предложение лично вам, и я могу пояснить его. Если оно вам понравится, мы можем обсудить его с Иденом и узнать его мнение».

Согласно предложению американцев, в основу соглашения трех правительств должны были быть заложены девять руководящих принципов. Приведу здесь несколько наиболее известных:

– Германия, в соответствии с принципом безоговорочной капитуляции, должна будет подписать признание полного поражения.

– Германия должна подвергнуться оккупации, осуществленной и поддержанной вооруженными силами Британии, Советского Союза и Соединенных Штатов.

– Из правительства должны быть выведены все нацисты и не должно остаться ни малейшего следа нацистского режима.

– Правительство Германии должно освободить всех политических заключенных и передать Объединенным Нациям лиц, причастных к военным преступлениям.

Вооруженные силы Германии должны сложить оружие.

Кроме того, документ затрагивал глубокие изменения, которые следовало произвести в политической структуре Германии, и в нем давалась рекомендация по превращению Германии в демократическое государство, действующее на основании билля о правах с целью обеспечения свободы личности. В связи с этим было особо подчеркнуто, что если удастся достигнуть такой формы правления, то немцы достигнут достаточного уровня жизни и союзникам не придется наращивать усилия по защите государства. Эта программа наглядно демонстрировала, как следует распределить полномочия между федеральными единицами. Предлагалось, без каких-либо попыток к ограничению, чтобы союзники поддерживали любые действия в самой Германии, ведущие к ослаблению влияния Пруссии в рейхе.

Кто когда-либо видел у Молотова «сияющее» лицо? Но именно так подумал Хэлл, когда на следующий день после получения предложений советский министр иностранных дел зашел к нему и сообщил, по сути, следующее: «Я показал их Сталину, и он пришел в восторг. Документ настолько точно выражает русские мысли в отношении Германии, словно он составлен нами...»

Если этому можно было бы доверять, то в дальнейшем не было бы необходимости волноваться из-за пропагандистских выступлений Сталина, добывающегося расположения народа и армии Германии.

Идеи сообщил Хэллу, что, по его мнению, предложения вполне убедительны. Условились, что необходимо более детально проанализировать некоторые пункты предложений и это следует поручить новому консультационному комитету, о создании которого договорились на Московской конференции. Любой, услышавший о дружеском обмене мнениями в отношении Германии, происходившем в Москве, мог бы решить, что у нового комитета не возникнет особых трудностей в принятии совместных решений по условиям капитуляции и мероприятиям по установлению контроля над Германией. Но фактически консультации оказались столь утомительными и затяжными, что работа так и не была закончена до тех пор, пока союзнические войска не оказались в самой Германии.

Что из того, что к прочим добавились меры по подчинению и изменению Германии, если мир не мог оставаться спокойным до тех пор, пока страна не оказалось бы разделенной на несколько отдельных государств? Различия в точках зрения относительно этой проблемы наметились в американском и британском правительствах начиная еще с предварительных переговоров с Иденом в марте месяце.

Чиновники Государственного департамента, обеспокоенные возможностью для России увеличить влияние над разделенной Германией, были против раздела. Хэлл тоже был против, но совсем по другой причине. Как он объяснил Идену в Квебеке, это «могло послужить национальным призывом для объединения Германии». Но президент все еще был склонен считать, что никакая другая мера, за исключением деления Германии, не сможет удержать немцев от очередной попытки установить господство в Европе. Однако он не хотел, чтобы после войны Соединенные Штаты оказались вынуждены для урегулирования обстановки направить войска в Европу. По мнению Рузвельта, это было дело британцев и русских и, возможно, французов. По всей видимости, отсутствие убедительной программы по такому жизненно важному вопросу, как раздел Германии, было одной из причин, тормозивших отъезд государственного секретаря в Москву.

В кабинете Черчилля также имелись две точки зрения. Черчилль сомневался, будет ли разумно, если военный кабинет пойдет по этому пути. Премьер-министр, безусловно, не был готов сказать «да» или «нет». В соответствии с этим в указаниях, переданных Идену для руководства его действиями в Москве, Черчилль следующим образом обрисовал проблему: «Мы аннулируем территориальную экспансию Германии и Италии. Мы полагаем, что будущая структура Германии и положение Пруссии как части Германского государства должны быть подчинены общей стратегии, принятой тремя великими державами».

Переговоры в Москве отразили все эти сомнения. Хэлл и Идеи откровенно обсудили различия в точках зрения коллег и советников. Молотов был слегка удивлен, узнав, что американское правительство не слишком настаивает на разделении Германии. Убедившись в этом, он, в свою очередь, принялся отрицать наличие определенной стратегии в этом вопросе. Молотов осторожно пояснил, что в Советском Союзе существует твердое мнение в пользу раздела Германии, но советское правительство считает, что следует также обратить внимание на общественное мнение в Великобритании и Соединенных Штатах. Он не обвинял, как это будет сделано позже, американцев и британцев в желании придерживаться «мягкой» стратегии в отношении Германии.

В предложениях, исходящих от американцев, проблема будущих границ Германии затрагивалась только в единственной фразе: «Этот вопрос должен решаться в рамках

общего соглашения».

В Москве обсуждению этой темы также не уделялось много внимания. Молотов поинтересовался, не означает ли это, что Германии будет позволено оставить любую из завоеванных ею территорий. Идеи и Хэлл заверили, что это не так, и сообщили, что их правительства уже определились в одном из пограничных вопросов: Германия должна будет передать Пруссию Востоку. Все трое, без сомнения, прекрасно понимали, что размолвка между советским и польским правительствами в отношении того, где между их странами должна проходить новая граница, зависит от того, какая часть Германии сможет отойти Польше. Они воздержались от попытки выяснить, какие действия требуется предпринять в отношении этой стороны немецкого вопроса.

Итак, министры иностранных дел, обойдя проблемы границ и раздела, смогли с полной уверенностью одобрить примечание к пункту семь официального протокола конференции («Обращение с Германией и вражескими странами Европы»): «Имевший место обмен мнениями показал единство взглядов по основным вопросам».

Министры иностранных дел с удовлетворением отметили полное совпадение мнений в отношении Австрии. Они тут же согласовали декларацию относительно будущего, которое они предусматривали для этой страны. Австрия должна быть освобождена. Союз с Германией, заложенный в 1938 году, должен быть лишен законной силы. Австрия должна стать свободной и независимой, а австрийцы должны будут признать определенную ответственность за свое участие в войне; они могли бы уже приступить к выполнению своих обязательств, помогая изгонять немцев из собственной страны.

Хотя никто и никогда не отказывался ни от одной части этой программы для Австрии, должно было пройти десять лет после окончания войны, чтобы союзники смогли утвердить условия договора с Австрией и он официально вступил в силу.

Московская конференция; обсуждение военных вопросов

В Москве одновременно с обсуждением широкого круга политических вопросов проходило активное обсуждение военных проблем, которые входили в план конференции министров иностранных дел, но были отодвинуты на время на второй план.

На протяжении нескольких недель в каждом сообщении относительно будущей конференции трех глав правительств, которая должна была проходить в Москве, Сталин показывал, что в этой встрече его больше всего интересует, будет ли внесена в план операция через Канал. Черчилль готов был лично заняться этим вопросом, но поскольку он опасался последствий совещаний со Сталиным в том случае, если заранее не будут определены совместные планы американцев и британцев, то попытался уговорить Рузвельта согласиться на предварительные переговоры между ними или их военными штабами. Но Рузвельт не видел необходимости в предварительной встрече с Черчиллем. В связи с этим премьер-министр подчинился настойчивому желанию Сталина, предложив направить в Москву вместе с Иденом генерала Исмея, своего личного представителя в Комитете начальников штабов; договорились, что американское правительство направит офицера такого же уровня.

Таким образом, 29 сентября Сталин выдвинул на первый план военные проблемы, предложив, чтобы первым пунктом в повестке дня конференции в Москве были «рассмотрены меры по пересечению войны с Германией и ее союзниками в Европе». Из пояснительной части его заявления становилось ясно, что в первую очередь Сталин имел в виду вторжение через Канал. Черчилль и Идеи расстроились, расценив это как попытку вытеснить вопросы, нуждающиеся в рассмотрении министрами иностранных дел, и как желание оказать давление, чтобы принудить союзников принять окончательное решение относительно вторжения. Но Рузвельт был спокоен, заявив Сталину, что готов приветствовать на московской встрече обмен мнениями в отношении военных планов и стратегии, но всего лишь как шаг к решениям, которые предстоит принять на

планируемой конференции. Хэлл весьма опасался вмешательства в дела, которые хотел сделать сам. Но он понял, что, если Сталина удовлетворят военные перспективы, затем его легче будет склонить «принять вместе с нами участие в политических решениях». Итак, исходя из распоряжений, полученных из Вашингтона, государственный секретарь согласился на включение военных представителей в группу для поездки в Москву и на их участие в переговорах по военным вопросам. Как позже станет понятно, по прибытии в Москву Хэлл смог корректно отделить себя и свою работу от военных представителей. Он попытался не вступать в их переговоры, передав полномочия, насколько возможно, послу Гарриману и генералу Дину, старшему по званию офицеру, вошедшему в состав американской миссии. Однако из-за того, что военные проблемы были тесно связаны с некоторыми политическими вопросами, которые представлял Хэлл, и поскольку Молотов, являясь членом Комитета обороны советского правительства, принимал участие в переговорах по военным вопросам, государственный секретарь также оказался вовлеченным в них.

19 октября, на первой встрече министров иностранных дел, Молотов предложил начать с военных вопросов. Он подготовил английский перевод советских предложений по сокращению войны.

Предложений было три:

– англо-американское вторжение в Северную Францию одновременно с мощными ударами советских вооруженных сил по «...основным немецким силам на советско-германском фронте». В этой связи в документе говорилось о необходимости прояснить, остается ли в силе заявление, сделанное в начале июня 1943 года Рузвельтом и Черчиллем, что вторжение начнется весной 1944 года;

– совместное предложение правительству Турции о немедленном вступлении в войну;

– обозначить требования к правительству Швеции о предоставлении авиабаз в распоряжение союзников.

Хэлл и Идеи заявили, что сначала должны переговорить со своими правительствами об определении позиции в отношении этих предложений, и, не откладывая, приступили к обсуждению. Поскольку вторжение должно было являться совместной операцией Соединенных Штатов и Британии, американцы и британцы рассчитывали дать один общий ответ. Указания, полученные из Комитета начальников штабов Соединенных Штатов, были совершенно однозначны: русским можно четко заявить, что квебекское заявление все еще остается в силе. А вот советы и комментарии, адресованные Исмею и Идену их руководством, оказались не столь конкретными. Полученная ими радиограмма, по всей видимости, была подготовлена и отправлена еще до поступления первого сообщения от Идена из Москвы. Она соответствовала решению, принятому в Квебеке, что вторжение в Северную Францию наземных и воздушных сил приурочено к 1 мая 1944 года. Тем не менее вновь было заявлено в отношении трех условий, которые, по мнению британского правительства, должны были быть выполнены до начала операции. Положение в целом от 20-го числа, отправленное Черчиллем Идену, было более многословным. Ответ премьер-министра отражал его тайные сомнения в отношении перспектив вторжения и его сильное желание попытаться отыскать альтернативные пути, которые приведут к поражению Германии.

Генералы Исмей и Дин изложили ситуацию с американскими и британскими военными действиями и планами на 20 октября. Сообщение соответствовало руководящему курсу, изложенному в послании, полученном Исмеем (Иденом еще не был получен ответ от Черчилля). Генералы подчеркивали, что на каждом англо-американском военном совещании основной темой, «владевшей всеми нашими помыслами, было таким образом упорядочить наши действия, чтобы обеспечить максимально возможный отвод вражеских наземных и воздушных сил с русского фронта». Далее генералы объяснили, что это не означает, будто американцы и британцы смогут сконцентрировать все ресурсы

против Оси в Европе; крайне важно поддерживать и расширять постоянное давление, направленное против Японии.

Затем Исмей и Дин подвели итог действиям в Европе, согласованным в Квебеке, находившимся на разных стадиях выполнения и ведущим к осуществлению вторжения через Канал в 1944 году. Вторжение должно было быть предпринято, «как только позволят метеоусловия Ла-Манша». Как уже было сказано, стоял вопрос о необходимости выполнения определенных условий, что послужит причиной успеха операции. До начала операции должно произойти, во-первых, существенное сокращение немецких воздушных сил в Северо-Западной Европе. Во-вторых, концентрация немецких ресурсов во Франции и Нидерландах на день высадки союзных войск в Европе не должна была превышать двенадцати мобильных дивизий. И в-третьих, в течение первых двух месяцев боев Германия не должна перебросить с других фронтов более чем пятнадцать обученных дивизий. «Мы совершенно уверены, – заявили Исмей и Дин, – что эти условия будут выполнены».

По окончании выступления генералов Молотов попытался понять, можно ли отнести сказанное ими к одобрению первого советского предложения или к отказу от него. Молотов заявил, что советское правительство, после ознакомления с результатами совещания Рузвельта и Черчилля в Квебеке, так и не поняло, остается ли решение о вторжении весной 1944 года в силе, или что-то изменилось. Идеи заметил, что, по его мнению, произошло какое-то недоразумение, «насколько мне известно, майские решения подтверждены встречей в Квебеке, и поэтому ответ на вопрос мистера Молотова: „Да“, в соответствии с условиями, приведенными в выступлении генерала Исмея. Подготовка к операции идет полным ходом». Генерал Дин подтвердил эти слова.

Хэлл и Гарриман сообщили президенту, что надеются – эти заверения убедят советское руководство в искренности американо-британских намерений. Правда, Гарриман на основании прошлого опыта сделал вывод, что они еще не раз коснутся последней темы. Он оказался прав. Позже на конференции, во время следующей встречи, 28 октября, русские предприняли очередную проверку. Маршал Ворошилов, изучив одно из выдвинутых условий, а именно что на момент высадки враг не должен иметь больше двенадцати мобильных дивизий, поинтересовался, что произойдет, если у немцев окажется больше дивизий. Генерал Исмей объяснил, по какой причине выдвинуто это условие. Ожидалось, что немцы уничтожат порты на севере Франции, после чего те не смогут использоваться в течение шестидесяти дней после захвата, тем самым снизив темп вторжения. Генерал объяснил, что численность войск в двенадцать дивизий дана по приблизительной оценке, в расчете на то, что Германия будет экономно расходовать имеющиеся дивизии, а все воздушные силы союзников будут направлены на уничтожение путей следования немецких армий: дорог, железных дорог и тому подобного.

На это от Молотова в очередной раз последовал вопрос: «Остается ли в силе сделанное в Квебеке заявление относительно операции через Канал в начале весны 1944 года?» И опять Идеи ответил, что «...принятое в Квебеке решение остается в силе, однако это решение не является обязательным для выполнения договором. Хотя мы постараемся сделать все, что в наших силах, для выполнения этого плана, служащего нашим общим целям». Стараясь сдержаться, Хэлл заметил, что Исмей и Дин откровенно объяснили ситуацию с подготовкой к операции и советские руководители будут полностью информированы о дальнейшем развитии событий.

Молотов признал, что не получал явных обещаний, и поблагодарил «...за четко выраженную точку зрения, к которой лично он присоединяется». Очевидно, Молотову не хотелось опять, как во время его визита в 1942 году в Лондон и Вашингтон, явиться причиной недоразумения по одному и тому же вопросу. Он предложил внести стенограмму их беседы в протокол конференции. Суть его идеи состояла в том, чтобы, разделив каждую страницу на две части, записать точку зрения американцев и британцев по каждому вопросу в одной части, а советскую точку зрения – в другой. На этот

совместно принятый документ, по мысли Молотова, все бы могли положиться. Иден заявил, что, по его мнению, с этим можно согласиться. Хэлл оказался более осторожен. Он заявил, что обязан о каждом заявлении сначала информировать президента и Комитет начальников штабов, поскольку не хочет, чтобы они решили, что конференция министров иностранных дел попыталась взять на себя выполнение их функций. В сообщении президенту в отношении предложения Молотова Хэлл обещал, что проследит за всеми утверждениями, которые войдут в протокол конференции. «чтобы было ясно, что мы не принимаем никаких обязательств. Мы будем стоять на позиции, что генералы Исмей и Дин уполномочены лишь сообщать о принятых решениях и описывать приготовления, ведущие к выполнению этих решений».

Вечером этого дня Иден имел конфиденциальный разговор со Сталиным. Он передал маршалу документ на русском языке, присланный Эйзенхауэром Черчиллю, в котором излагалась трезвая оценка действий генерала Александра в связи с положением на итальянском фронте.

Иден объяснил, что ему хотелось, чтобы Сталин понимал, что премьер-министра волнует ситуация в Италии, и «...он настаивает на том, что бои в Италии следует обеспечивать ресурсами и путем борьбы прийти к победе, вне зависимости от „Оверлорда“».

Сталин поинтересовался, не означает ли это сообщение отсрочку операции вторжения. Иден ответил, что точно не знает, но такая возможность существует, и продолжил цитировать ту часть из последнего сообщения Черчилля, в которой говорилось, что британцы наилучшим образом определились с операцией «Оверлорд», но «нет смысла планировать поражение в боевой обстановке ради временного удовлетворения политических амбиций».

В ответ Сталин поинтересовался, будет ли это месячная или двухмесячная отсрочка. Но на этот вопрос Иден не в силах был дать окончательного ответа. Он мог только заверить, что каждое действие будет направлено на то, чтобы приступить к операции «Оверлорд» как можно раньше, в разумный момент, дающий надежду на успех.

Сталин не стал никого обвинять. Он выразил мнение, что союзники прекрасно осведомлены о том, что следует занять оборонительную позицию севернее Рима и использовать оставшуюся часть сил в «Оверлорде», и это будет гораздо предпочтительнее попыток пробиться в Германию через Италию. Он одобрительно отнесся к идее одновременной высадки в Южной Франции, которая заставит Гитлера рассредоточить силы.

Идеи тут же сообщил Хэллу о состоявшемся разговоре со Сталиным. Хэлл незамедлительно, на основании того, что рассказал ему Идеи, сообщил президенту, что «позиция Сталина очень разумна и реалистична». Об этой встрече у британцев сложилось самое благоприятное впечатление. Сталин согласился, что следует поддержать итальянскую операцию и что оборонительная позиция должна располагаться севернее Рима. Он согласился, что задержка «Оверлорда» могла быть вызвана неблагоприятной обстановкой в Италии. Однако Сталин настаивал на том, что следует твердо придерживаться концепции «Оверлорда».

Протокол конференции приводил в действие предложения Молотова. В первую очередь воспроизвели текст оригинала о мероприятиях по сокращению срока войны. Затем в одной колонке записали то, что сказали американские и британские представители в отношении выдвинутых предложений, а в другой колонке мнение советских представителей. Запись в «советской» колонке была сдержанной: Молотов просто отметил американское и британское заявление и выразил надежду, что план вторжения в Северную Францию весной 1944 года будет выполнен в срок. Это совпадало с тем впечатлением, которое сложилось у Идена и Хэлла от беседы со Сталиным.

Я должен кратко рассказать о том, что предшествовало второму советскому предложению и как три державы объединились, чтобы убедить Турцию немедленно

принять участие в войне. В результате, чтобы ускорить это событие, Черчилль, после окончания конференции в Касабланке, совершил поездку в Аден. Премьер-министр понимал, что если бы Турция присоединилась к ним, то атака союзников смогла бы охватить все Средиземноморье и Эгейское море, но, к огромному огорчению, премьер-министру было отказано. Правительство Турции было встревожено количеством немецких и болгарских сухопутных и воздушных сил, расположенных вблизи границ. Кроме того, турки остерегались русских, опасаясь, что они используют возможность, чтобы аннексировать часть Болгарии, имеющей общую границу с Турцией, и попытаются силой установить контроль над проливом Дарданеллы. Туркам были знакомы грубость и хитрость русских.

По инициативе Черчилля советское и турецкое правительства участвовали в дипломатических переговорах, касающихся их намерений на Балканах и в Восточном Средиземноморье. Все было безрезультатно. Тогда в сентябре русская пресса начала кампанию, направленную против нейтралитета Турции. Турки забеспокоились, поскольку понимали, что недостаточно сильны, чтобы вступать в войну, и подозревали, что русские навлекут на них беду, поскольку после войны они не смогут вырваться из русских объятий. Советское правительство тоже выразило недоверие, поскольку Британия продолжала посылать туркам оружие, несмотря на установленный нейтралитет, считая, что Британия пытается чинить препоны советскому наступлению в этом регионе.

В то время как Турция сопротивлялась и убеждениям, и давлению, Черчилль, Рузвельт и Объединенный штаб начали менять свое мнение относительно вступления Турции в войну. Ввиду ограниченности ресурсов, предназначенных для боев в Средиземноморье, они склонялись к мысли, что пока туркам лучше переждать.

Поэтому, когда на Московской конференции русские предложили объединить усилия, чтобы вовлечь Турцию в войну, Черчилль сделал это частью крупномасштабной кампании, получая возможность войти в Европу с юго-востока. Он тут же попросил Идена выяснить, привлекает ли русских идея британского наступления через Эгейское море, а также вовлечение Турции в войну. открытие Дарданеллов и Босфора таким образом, чтобы британский военно-морской и торговый флот смогли оказывать помощь русскому наступлению и, в конечном итоге, протянуть им «нашу правую руку через Дунай... Возможно, исходя из политических соображений русские не захотят, чтобы мы разрабатывали крупномасштабную балканскую стратегию. С другой стороны, желание, чтобы Турция вступила в войну, показывает интерес русских на юго-восточном театре».

Понимая, что Молотов и русские генералы нажимали на Дина и Исмея, чтобы те определились с вторжением в Северную Францию. Идеи, в свою очередь, был ограничен в представлении идеи Черчилля относительно способа вовлечения Турции в войну. В своем первом выступлении он в общих чертах сообщил, что поскольку британское правительство считает, что настоящее положение Турции как партнера в боевых действиях будет, вероятно, скорее помехой, чем преимуществом, оно готово обсудить предложения советского правительства. Но позиция Идена резко изменилась после получения сообщения от Черчилля с указанием, что не следует мешать желанию русских, чтобы Турция вступила в войну; если турки войдут в нее «по собственной воле, мы, в принципе, должны согласиться».

Теперь, сообразуясь с этим сообщением, Идеи завел разговор о том, что если нет никакой возможности уговорить или заставить Турцию вступить в войну, то, может, ее удастся убедить позволить союзникам использовать железные дороги, территориальные воды и летные поля Турции в борьбе за Эгейские острова, особенно за Родос. До выяснения мнения президента в отношении этих предложений, как и в случае с предложениями Молотова, Хэлл не высказывал своего мнения.

Молотов был убежден, что Турция не выдержит давления со стороны союзников, да еще поддержанного угрозой о лишении ее поставок оружия. И все так бы и продолжалось до встречи глав правительств, если бы не случайное событие. Британия направила

небольшую экспедицию на Лерос, остров по пути к Родосу, которая, если бы не активная помощь турок, закончилась катастрофой. Согласно официальному объяснению британской стратегии этого периода: «Принимая во внимание, что согласно первоначальной разработке захват Додеканеса предшествовал боевым действиям с Турцией, теперь Турция потребовалась для того, чтобы обеспечить безопасное владение Додеканесом».

Историкам известно описание попытки Черчилля уговорить Рузвельта согласиться на размещение необходимых средств для нападения на Родос и другие острова Додеканеса, даже при том, что это повлекло бы небольшую задержку операции «Оверлорд». Весьма сожалея, Рузвельт отказался. После краха Италии британцы высадились на нескольких маленьких островах, Косе, Самосе и Леросе, оказавшись в зависимости от турецкой помощи.

Читаем: «Турция действительно оказала важную помощь. Она не возражала против следования британских военных судов через ее воды, в течение сентября переправлявших грузы на Самос. Теперь командование на Ближнем Востоке в качестве первого шага стремилось увеличить поставки с Самоса на Лерос и соглашалось переправлять британские войска, которые, возможно, позже были бы вынуждены покинуть острова.

Однако в конце октября требования возросли. Несмотря на непрекращающиеся воздушные операции с баз в Италии и на Ближнем Востоке, постоянное патрулирование и снабжение островов, имели место значительные потери судов... Необходимая поддержка с воздуха, ввиду удаленности от событий на земле, не могла быть особо эффективна. 19 октября начальники штаба сообщили премьер-министру, что следует укреплять Лерос и защищать его с помощью субмарин или в течение ближайших трех недель порядка шести истребительных эскадрилий должны разместиться на посадочных полосах в Юго-Восточной Анатолии».

Черчилль решительно потребовал необходимую помощь со стороны Турции, пригрозив прекращением военных поставок. Перед возвращением в Лондон Идеи условился о встрече в Каире с турецким министром иностранных дел. Он также планировал попросить у Турции разрешения на то, чтобы британские субмарины и торговые суда могли следовать через проливы в Черное море, доставляя грузы Советскому Союзу.

По мнению Молотова, подобные меры выглядели довольно беспомощными. Но Британия твердо придерживалась той позиции, что, если на предъявленное официальное требование о вступлении в войну будет получен отказ, шанс заставить Турцию оказать помощь в удержании Эгейских островов также будет потерян. Молотов неохотно уступил, после того как Идеи пообещал, что в том случае, если он потерпит неудачу и не выполнит возложенную на него миссию, британское правительство будет готово рассмотреть в течение месяца официальное совместное требование о немедленном вступлении Турции в войну. Идеи и Молотов подписали меморандум, по которому их правительства обязались предпринять попытку вовлечения Турции в войну к концу 1943 года и просить Турцию о немедленном предоставлении авиабаз для британских и советских вооруженных сил. Спустя несколько дней и Рузвельт присоединился к этой петиции; Комитет начальников штабов Соединенных Штатов не возражал, при условии что в Восточное Средиземноморье не будут переброшены британские и американские самолеты, корабли и солдаты, необходимые, по мнению авторитетных военачальников, для операции «Оверлорд» и действий в Италии.

К этой теме мы еще вернемся в связи с ее обсуждением на встрече трех глав правительств в Тегеране.

Во время Московской конференции был решен еще один неприятный вопрос, мешающий дружеским отношениям между членами коалиции. Сталин и Идеи уладили неприятную ссору, возникшую в начале сентября, в связи с соглашением о возобновлении северных конвоев в Советский Союз. Среди прочих дел, возможно, стоит коротко

рассказать и об этом инциденте.

Несмотря на твердые намерения и увеличение грузопотока по южному маршруту – через Иран, в сентябре опять снизился объем поставок в Советский Союз. Это было частично связано с огромной потребностью в грузовых и военных кораблях для текущих операций в Средиземноморье, в Тихом океане и в Бирме, и, кроме того, конвои на северных маршрутах были приостановлены на летний период. В сентябре Молотов сообщил правительству Британии, что советское правительство будет настаивать на срочном возобновлении северных конвоев и рассчитывает, что правительство его величества сделает все необходимые шаги в течение ближайших дней.

Не признавая за собой никакой вины, американское и британское правительства тем не менее согласились, что требования советской стороны заслуживают внимания. В послании от 1 октября Черчилль сообщил Сталину, что серия из четырех больших конвоев будет отправлена, соответственно, в ноябре, декабре, январе и феврале. Однако он написал, что «...это не обязательство и не соглашение, а скорее заявление о нашем торжественном и серьезном решении». По мнению Черчилля, советское правительство должно обеспечить лучшие условия и предоставить большую свободу передвижения британскому персоналу, находящемуся в Северной России для проведения военных операций в общих целях, и позволить увеличить численность британских военных моряков и обслуживающего персонала.

13 октября от Сталина последовал язвительный ответ. Он написал, что сообщение Черчилля обесценивается его же заявлением о том, что это не обязательство, а только обещание, от которого британское правительство может в любой момент отказаться, не считаясь с тем, как это отразится на советских армиях, находящихся на фронте. «Поставки британским правительством в СССР вооружения и других военных грузов, – писал Сталин, – нельзя рассматривать иначе, как обязательство, которое в силу особого соглашения между нашими странами приняло на себя британское правительство...»

Сталин заявил, что британское правительство не имеет права самостоятельно решать вопрос снабжения России, и отклонил просьбу Черчилля в отношении ослабления режима проживания британского персонала на севере России.

Черчилль почти уже готов был отказаться от сотрудничества и сделал бы так, если бы не существовало настоятельных военных причин, ради которых приходилось терпеть; он подавил раздражение. 18 октября премьер-министр попросил пригласить нового советского посла в Лондоне, Гусева. Черчилль объяснил послу, что, как ни соблазнительно было парировать Сталину в том же духе, он все-таки сдержался, понимая, что сделает только хуже, и оставляет вопрос на Идена, чтобы тот уладил его на месте, в Москве. Высказавшись подобным образом, Черчилль передал резкое послание Сталина советскому послу, который безуспешно пытался вернуть его обратно. После этого Черчилль тут же проинформировал Идена, как себя вести и что говорить.

Идеи тут же отказался от воинственности, с которой он готовился отстаивать британскую точку зрения, и перенял товарищеский тон Черчилля, использованный в беседе с послом Гусевым. Идеи заверил Сталина и Молотова, что британское правительство полно решимости возобновить конвои, если это удастся выполнить без излишних потерь. Было принято решение приложить максимум усилий для осуществления доставки грузов. Но, продолжил Идеи, возникли серьезные сложности у военно-морского флота Британии, пытавшегося справиться с германским подводным флотом, обладающим огромной разрушительной силой и действующим в широком диапазоне. Следовательно, подвел итог Идеи, если из-за непредвиденных обстоятельств британское правительство не сможет отправить все четыре конвоя, это будет не его вина.

Молотов лично позвонил в британское посольство в Москве, чтобы Идену стало понятно, что советское правительство высоко оценивает деятельность по возобновлению конвоев. Сталин дал понять, что его грубый отказ на просьбу Черчилля об улучшении условий для британского персонала связан с недоразумением. Маршал решил, будто

британское правительство придерживается той точки зрения, что конвои являются подарком Советскому Союзу, неким одолжением или подаванием. Иден заверил, что британское правительство никогда не рассматривало конвои в таком аспекте. Всегда признавалось, что конвои осуществляют совместные военные действия, и глупо думать, что это делается по принуждению.

В результате договорились, что конвои возобновятся, но следовало понимать, что в случае необходимости за Британией остается право отменить их. Советское правительство пообещало несколько улучшить условия для британского персонала. И так, как было обещано, первый конвой новой серии в ноябре, еще до встречи глав правительств в Тегеране, покинул Англию.

Сталин имел в виду приближающуюся встречу, когда сообщил Хэллу о советских военных планах, которые так стремились узнать американцы.

Как уже говорилось, в ходе конференции Гарриман узнал достаточно деталей от Молотова, чтобы уверенно сообщить президенту, что после окончания военных действий в Европе Советский Союз будет участвовать в войне против Японии. На обеде, который Сталин дал в последний день конференции, 30 октября, он открыто сказал об этом Хэллу. Они говорили о сотрудничестве и о скорой встрече Сталина с Рузвельтом и Черчиллем, когда Сталин неожиданно, по словам Хэлла, «удивил и восхитил меня, откровенно заявив, что после того, как союзники добьются разгрома Германии, Советский Союз будет участвовать в разгроме Японии», и об этом можно сообщить президенту.

Это было сказано без каких-либо оговорок или условий относительно военной помощи или политических требований.

В то время как Сталин разговаривал с Хэллом, Молотов спокойно объяснил Гарриману и Идену, что после обеда будет показан фильм о японской интервенции 1921 года. Идеи, сделав вид, что шокирован, заявил, что для страны, которая хочет продемонстрировать свое миролюбие, это не вполне подходящий фильм. Гарриман, напротив, считал, что фильм уместен, после чего провозгласил тост (он бы удивился, если бы Молотов не присоединился к нему) за тот день, «когда мы вместе будем сражаться против японцев». «Почему бы и нет, – ответил Молотов, – с удовольствием». – «До дна!» – провозгласил Гарриман, и все поддержали его тост.

Не дожидаясь утра, Хэлл, Гарриман и Дин отправили сообщения в Вашингтон. Хэлл был доволен результатами конференции, и это наполняло его радостью. Президент и Объединенный штаб пришли в восторг от полученных новостей и сразу же попытались выяснить, не пора ли уже заняться разработкой долгосрочных планов вместе с русскими.

Вне всякого сомнения, Сталин и его окружение собирались вступить в войну на тихоокеанском театре, полагая добиться определенных преимуществ для Советского Союза. Логично было предположить, что, заранее сообщая правительствам Соединенных Штатов и Британии о своих намерениях, русские стараются завоевать доверие. Благодаря этому операцию «Оверлорд» можно было бы назначить на май, и проще стало бы решать проблемы в отношениях с соседями и границами. Все это наверняка рассмотрели и оценили дипломаты в Вашингтоне и Лондоне, кроме того, они были удовлетворены искренним доказательством того, что советское правительство намеревается, как и прежде, оставаться членом коалиции.